

Книжное обозрение

© 2003 г.

Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. РАБОЧИЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ. М.: Экономическая демократия, 2000; Булавка Л.А. ПОРТРЕТ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. САМОЗАЩИТА ПРАВ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Выпуск 5. М., 2001.

Литература о современном рабочем протестном и забастовочном движении в России обширна и до предела политизирована. Политизация - не только следствие политических пристрастий авторов. Есть работы о забастовочном движении, которые объективно маскируют цели эксплуататоров, дезориентируют рабочих, создают псевдонаучные легенды о забастовочном движении. "Главная" и самая живучая из этих легенд - "легенда о демократическом профсоюзном движении", смоделированная по заказу радикальной рыночной элиты. Она гласит, что рабочие бастовали "в поддержку рыночных реформ". И, на мой взгляд, рецензируемые мной работы наносят по этой легенде сокрушительный удар.

В книге Рудыка Э.Н., Керемецкого Я.Н. и Булавки Л.А. проанализирована ситуация на 9 предприятиях, где были предприняты попытки захвата протестующими рабочими и установления рабочего контроля в разной форме. Авторы убедительно показывают непрочность современной приватизации, возможность передела собственности, а также иллюзорность гражданского мира в России. Исследователи доказывают, что в нашей стране возможны успешные протестные действия рабочих, появление производственного самоуправления, возрождение коллективизма и солидарности. Важным слагаемым успеха протестного рабочего движения является использование противоречий внутри собственников предприятия. В книге продемонстрировано, насколько важна роль рабочего контроля за финансами предприятия и как опасно появление "желтых" профсоюзов. Очень опасен и сложившийся в "красных" регионах страны (например, в Кузбассе) союз региональных властей и криминалитета. Исследование показывает значимость и сложность борьбы рабочих за контрольный пакет акций своего предприятия. При этом, в глазах рабочих акционерная собственность как таковая дискредитирована.

Источниковой базой для книги "Рабочий протест в России: опыт и проблемы" послужили опросы и интервью, проведенные на 9 крупных российских предприятиях. Достоинством работы Л.А. Булавки является то, что анализ протестного движения начинается с изучения конформистского поведения рабочих на Магнитогорском металлургическом комбинате. Она пишет о патернализме новых хозяев предприятия и согласии рабочих с системой эксплуатации, показывает, как рабочие обменивают свое право на самозащиту и управление производством на социальный патронаж. Описывая кризисные предприятия, развитие конфликтов на этих предприятиях глазами рабочих, автор рассказывает о самоорганизации и самоуправлении на предприятиях в ходе протестных действий, например, при захвате предприятия бастующими и организации на нем производства без участия старой администрации. Л.А. Булавка отмечает негативную роль руководства Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), которая солидаризируется не с протестующими рабочими, а с предпринимателями, пишет о непартийности рабочего протестного движения, об использовании предпринимателями методов "черного пиара" против участников рабочего движения. При этом автор далека от идеализации данного движения, говорит о случаях предательства рабочими своих лидеров, о пьянстве, об "окрестьянивании" рабочих. Она особо выделяет проблемы, с которыми столкнулись современные организаторы рабочего движения. Главные: массовая пассивность, страх и идеалистические иллюзии рабочих. Очень важен ее вывод о том, что современные организаторы рабочего движения, новый профактив, с одной стороны, идейно чужд "начальству", а, с другой стороны, - культурно чужд большинству рабочих. Борьба предпринимателей с рабочими активистами в наше время - непростой процесс. Л.А. Булавка отмечает, что прямые репрессии - не самый эффективный метод. Эффективнее - "приватизация администрацией морального права решать за рабочих все".

Она убедительно доказывает, что современное протестное движение - это не столько оппозиционное, сколько альтернативное движение, где высшая ценность - человеческое достоинство.

Однако один из главных тезисов рецензируемых книг нуждается в серьезном осмыслении и развитии. Их авторы отмечают, что "власть заставляет рабочих честно играть в чужие игры". Попробую развить этот тезис. Расскажу о своем понимании такой игры, роли ее участников и последствиях.

Что такое забастовки? На мой взгляд, это - социально-ролевая игра в "героя и дружину". Первым "героем" в этой игре был Б.Н. Ельцин. По моим наблюдениям, игра развивалась так: до 1992 г., до начала массовой приватизации государство было монопольным покупателем на рынке труда. Следовательно, рынка труда не было, т.к. рынок с одним покупателем - не рынок. Это означает, что в то время не было возможности провести забастовку с реальными экономическими рыночными требованиями, а была возможность только политической забастовки, т.е. игры "на грани фола", игры с суицидными манипуляциями для ее основных акторов - рабочих. Говоря о суицидных манипуляциях, я говорю не столько о голодовках (т.е. реальных, физиологических попытках суицида), сколько о психологических попытках. Логика такова: завод, шахта, предприятие для рабочего - это жизнь. Рабочий бастует, останавливает завод, следовательно, психологически останавливает свою жизнь, как бы "умирает". Этой "смерти" содействует игровое поведение номенклатуры, принятие ею законов о забастовке (формальных правил игры), не рассчитанных на реальное применение, создающих как для лидеров забасткомок, так и директората возможность "жухать", вести себя "не по правилам". Это понимали и рабочие, а отсюда шло постоянное: а) требование принять закон о политических забастовках; б) выражение недоверия лидерам, частые смены состава забасткомок; в) недоверие профсоюзам.

После 1992 г., точнее - с конца 1993 г. ситуация на рынке труда меняется, начинается массовая приватизация, появляются покупатели на рынке труда, т.е. появляется сам рынок. Но он еще очень узок. Следовательно, меняется стиль забастовочной игры в "героя и дружину". Она радикализируется. Это означает: а) усиление реальных суицидных манипуляций (голодовки, "рельсовая война"); б) пренебрежение органами, "укладывающими" рабочих в забастовку - какая разница, кто "водит", альтернативный или ФНПРовский профсоюз, - важно действие, игра. Профсоюз в данном случае лишь орган "разрешенного бунта"; в) смена "героя". С 1994 г. "герой" меняется. Где-то им становится В. Жириновский, где-то - А. Тулеев, где-то - Г. Зюганов, где-то остается Б. Ельцин. Но сама игра остается прежней. Она дополняется электоральными играми, но не меняется.

В 1998 г. ситуация еще раз переделывается. Происходит августовский дефолт. Он означает конец старой игре. И бастующие начинают взаимодействовать с новыми властными структурами: а) новой буржуазией, возникшей в 1991-1997 гг.; б) "братвой", криминальным сообществом.

Самое интересное, что новая буржуазия и "братва" предложили рабочим в качестве новых методов борьбы с номенклатурным капиталом хорошо забытые старые. Наиболее удачливые "новые русские" сделали ставку на "левизну". Они адаптировали к своим нуждам традиционно левые методы политической борьбы. Например, они открыто начали эксплуатировать левую идеологию, идеи социализма. В 1996 г. депутат Госдумы и кандидат в Президенты России, известный предприниматель В. Брынцалов создал свою социалистическую партию. Депутат Госдумы В. Гуськов в ходе избирательной кампании 1995 г. активно использовал левую идею общественного самоуправления. Наконец, в конце 90-х гг. XX в. предприниматели начали прибегать к абсолютно "леворадикальной" тактике - приступили к совместному с рабочими или при использовании рабочих захвату предприятий. Захваты предприятий стали реальностью в Санкт-Петербурге, Москве, Норильске, Ачинске, Калининграде, Выборге, Тавде. Самые известные захваты происходили на ликеро-водочном заводе "Кристалл", "Уралхиммаше", Тавдинском гидролизном заводе, Качканарском горно-обогатительном комбинате, Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате.

Вот краткая хроника только 2002 г.: в марте на Таганрогском металлургическом заводе прошло противостояние "старой" и "новой" администрации с участием рабочих, ОМОНа, вневедомственной охраны и т.п. 9 апреля - произошел конфликт в Домодедово, где рабочие и старая администрация не пускали на предприятие новую администрацию. На следующий день, 10 апреля - возник конфликт на Москомплектмебели, где произошла драка рабочих, поддерживающих старую администрацию, с представителями новой администрации.

Захваты предприятий стали реакцией на нерешенность проблем популистской революции 1991 г., незавершенности путча 1993 г., следствием непродуманной приватизации, с одной стороны, и бунтарских методов борьбы, с другой.

Захваты предприятий стали новой, современной формой социально-ролевой игры в "героя и дружину". "Героем" в этой игре становится уже не Ельцин или Зюганов, а "свой" директор или предприниматель, который, с одной стороны, борется с "плохими" иными предпринимателями или директорами, а, с другой - уже совсем по-иному взаимодействует с забастовочным комитетом. И именно эта фаза игры способна разрушить ту систему, которая создана в нашей стране за последние десятилетия. Отмечу одно: если номенклатурная буржуазия в ходе приватизации отняла у современного российского рабочего все, вплоть до цепей, то неноменклатурная - готова немного раскошелиться и купить для рабочего и цепи, и клетки, и удавку. В этом она "левее" и "гуманнее" "старых" КПССовских олигархов. Кстати, данная мысль не противоречит выводам рецензируемых работ.

Д.А. ЛЕВЧИК,
кандидат исторических наук,
докторант Московского государственного
областного университета

© 2003 г.

Р ы в к и н а Р.В. ДРАМА ПЕРЕМЕН. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2001. 472 с.

Попыткой осмысления десятилетия реформ стала книга Р.В. Рыбкиной, вышедшая в конце XX века¹. Данная книга существенно переработана и дополнена новыми материалами, расширена, содержит богатую информацию о переменах в России в 90-е годы. Р.В. Рывкина показывает окружающую нас жизнь, ее многочисленных героев (социальные группы) и их судьбы, используя один из подходов экономической социологии, который базируется на выявлении "социальных субъектов, групп, от которых зависят те или иные экономические решения, процессы в экономике" и исследования социального механизма развития экономики. Под последним автор понимает устойчивую систему экономического поведения социальных групп, взаимодействия этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг; систему, регулируемую, с одной стороны, социальными институтами, с другой стороны - социально-экономическим положением и сознанием самих этих групп.

Анализируя успехи и провалы рыночных реформ, исследователь стремится разобраться в том, почему столь драматичными для подавляющего большинства оказались "перемены", которых общество так ждало. Негативные следствия известны: бедность, безработица, дезорганизация государства, ослабление безопасности населения, криминализация экономики и общества. По мысли автора, один из инструментов, способных дать методологически верные ответы на вопросы, почему так произошло, - в развитии социальных наук и, прежде всего, социологии. Размышляя над тем, как должно быть и как на самом деле обстоят дела в этой сфере, Р.В. Рыбкина подробно останавливается на состоянии российской социологии, описывая его парадоксы. Это - один из наиболее удачных сюжетов книги, в котором проявился публицистический дар автора. Но один из грустных выводов, который она делает - сегодня социология знает о новой системе меньше, чем знала во времена застоя о старой системе.

В следующем разделе она рассматривает исторические корни нынешних болезней экономики. Открывают его размышления автора о таком феномене, как социальная память, ее роли в экономике. Они интересны, прежде всего, взглядом на одну из наиболее актуализированных временем перемен социальных проблем. Фокус авторского внимания в исследовании данной проблемы - "два социальных наследия" современной России (дореволюционное и советское), два политических слома, разрушившие и деформировавшие черты этих наследий, спровоцировавшие духовно-ценностный вакуум как характеристику условий, в которых существует современное общество. И в этом Р.В. Рыбкина видит одну из главных причин неудачи реформ, показывая, каким образом влияют данные деформации на современную экономическую жизнь, какие черты придают социально-экономическим процессам. Опираясь на такие представления, автор обращается к изучению советского общества, объясняя это, в частности, тем, что скор-

Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России: Люди и реформы. М.: Дело, 1998.

ректированный опытом перемен взгляд на него поможет в выборе вектора дальнейшего развития страны. Этой цели служит социологическая зарисовка "социального портрета" трудящихся СССР, тех факторов, особенно идеологических, которые определяли условия их деятельности, а также институтов советской экономики, в частности, псевдоэкономических, определяющих неэкономический характер управления экономикой в СССР, зависимость экономики от политических императивов.

На мой взгляд, у разделов и глав, посвященных 80-м гг., особое звучание в книге. До нас доносится живая реальность социологических исследований тех лет, они широко приводятся на страницах данной работы, лексика и штампы былых общественных трибунов, представления времени, многое из того, что, кажется, давно ушло в прошлое, но возрождено для анализа. Основным пунктом рассуждений автора о значимости этого времени становятся судьбы горбачевских реформ ("эпоха псевдореформ") и вопрос - могли бы эти реформы действительно привести советскую экономику к качественно новому состоянию, к реальному подъему? Р.В. Рывкина привлекает материалы исследований, характеризующих хозяйственные нововведения того времени, отношение самих работников к реформам, и делает вывод о поверхностности и фиктивности этих реформ и неверии общества в их успех. Возможно, это и было одним из самых драматических моментов, кульминацией которых стали события "второго политического слома" - внедрения рынка и капитализма.

Автор задает вопрос, который, возможно, и становится главным в книге - в чем суть российских реформ - обратно к капитализму? Вопрос о характере общества, которое развивается на наших глазах, представляется Р.В. РЫБКИНОЙ достаточно ясным (конечно, капитализм!). Но почему он окутан прочной завесой общественного умолчания? В причинах этого автор пытается разобраться. Это важно и с точки зрения понимания всей концепции книги, и с точки зрения перспектив нашего общества в мировых глобальных процессах. Из приведенных рассуждений становится очевидным, что главная причина того, почему общество "не признает" реальность капитализма - целый комплекс психологических барьеров. И отчасти это верно, как верно и то, что современное состояние российской экономики скорее схоже с классическими условиями первоначального накопления капитала. Но здесь также открывается поле для дискуссий более широкого характера о путях и периодах развития мировой цивилизации, месте в нем "русской рекапитализации".

Автор анализирует далее два социальных института - политику и культуру, определяя их влияние на ход рыночных преобразований. Затем обращается к проблематике "самообучения рынку", его этапов (выделено 5 этапов), сущностных перемен в поведении и ценностных ориентациях людей. Она дает свое представление о "феномене переходности" в России, порожденном быстрыми и радикальными переменами, с точки зрения представленности в обществе черт двух социально-экономических систем; по ее мнению, сущность переходности - сочетание "духа социализма" и "духа капитализма" в одной и той же социальной реальности. Но при этом подчеркивается, что "пережитки социализма" сочетаются не с некими "чистыми" моделями "капиталистического поведения", а с российскими феноменами типа неплатежей, рэкета, ухода от налогов, бартера, фиктивной занятости. Итак, проблема "неправильного" социализма сменяется проблемой "неправильного" капитализма. И эту неправильность может исправить достаточно длительный процесс "самообучения рынку".

К чему же привели реформы? Отвечая на данный вопрос, Р.В. Рывкина останавливается на нескольких сюжетах. Это - характеристики социальных групп нового российского общества - прежде всего, нового класса предпринимателей, его рождения и становления; комплекс проблем, связанных с исследованием социальной стратификации нового общества, характеристиками ее становления, изменений в положении социальных групп и их новыми чертами (проблематика "новых классов": правящего класса, ушедшего в тень, "невозникающего среднего класса", слоя фермеров; изменения в положении директоров промышленных предприятий, интеллигенции и т.д.); анализ противоречий приватизации, механизма теневизации общества и др.

Завершают книгу размышления о будущем, анализ его вариантов, исходя из возможных сочетаний моделей экономической и политической системы, с учетом наступления "путинского периода" в развитии постсоветского общества. Прогнозы социолога достаточно тревожны, что связано с предварительной (середина 2000 г.) оценкой политической системы в России как авторитарно-полицейской, но и неопределенны, поскольку относятся лишь к началу нового для нашей страны периода, возможного "третьего социального эксперимента" (от экспериментов мы не привыкли ждать ничего хорошего). Автор дает и свой ответ на самый трудный вопрос "Что делать?...", исходя при этом из представлений о "капиталистическом" направлении эволюции общества и достаточно неожиданного, но без обиняков сформулированного вывода о том, что

Россия движется по пути, который не соответствует ее историческим традициям, менталитету населения. И здесь Р.В. Рывкина обращается к анализу морального кризиса в обществе как главного пункта, способного распутать "клубок противоречий" российского общества. Несправедливо "забытого", действительно оставленного сегодня в тени дискуссий об экономических моделях разных уровней, но, тем не менее, по-прежнему очень важного в нашем "больном" обществе. По-новому остро обсуждается дилемма о том, что первично в развитии общества - его духовность или экономика. И нащупывая подходы к ответу на вопрос "что делать?", социолог ставит недвусмысленный акцент на том, что "в России экономика замешена не только и не столько на финансах, сколько на идеях, настроениях, чувствах массы людей", - следовательно, делаем вывод мы в отношении означенной дилеммы, и сегодня первенствует духовность. Итак, рецензируемая книга - еще один вклад в освоение социологической мыслью "эпохи перемен". Вклад, побуждающий спорить, сомневаться и, главное, снова и снова думать над тем, что с нами происходит.

И.П. ПОПОВА,
кандидат социологических наук

© 2003 г.

РИСК В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (Под ред. А.В. Мозговой). М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. 347 с.

Социально-философский и социологический аспекты исследования проблем риска привлекают все большее внимание ученых и специалистов. Концептуально статьи данного сборника объединяет представление о риске как о неотъемлемом элементе социального пространства ("социокультурного поля" в терминологии П. Штомпки). Очевидно, что охватить все "измерения" социального пространства и все уровни анализа в рамках одной книги невозможно. Их статьи ориентированы на практику управления рисками, в рамках которой, к примеру, социологические исследования риска выступают элементом научного обеспечения разработки эффективных управленческих решений. Проблемы риска они рассматривают достаточно глубоко и комплексно. Представлены теоретический и эмпирический уровни анализа, международный и отечественный исследовательский опыт. Особо подчеркнута содержательность эмпирических данных, которые вводятся в научный оборот. Авторы - сотрудники Института социологии РАН и другие известные специалисты в этой области научного анализа - сотрудничают в рамках секции социологии риска и катастроф Российского общества социологов, Московского общества анализа риска.

Библиография отечественных публикаций по данной проблематике свидетельствует о том, что у нас мало работ эмпирической направленности на фоне многих рассуждений относительно методологических подходов зарубежных социальных философов к исследованию сущностных характеристик "общества риска". Этот сборник, как представляется, до определенной степени компенсирует недостаток именно эмпирических данных. Материалы структурированы по пяти разделам. Открывает сборник статья "Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания". Ее автор А.В. Мозговая предлагает различать социально-философскую концепцию "общества риска" и социологическую концепцию риска. Через детальный анализ подходов к определению понятий катастрофы, кризиса, она переходит к формулированию основных положений и определению основных понятий социологической концепции риска. В детальном описании подходов к эмпирической операционализации понятия "риск" в социологическом исследовании предлагаются зависимые и независимые переменные, которые, с точки зрения автора, расширяют научные представления о социальной природе и социальной сущности риска, социальных и психологических факторах, влияющих на отношение социальных субъектов к различным типам риска и др. В работе Б.Н. Порфирьева "Риск и безопасность: определение понятий" рассматривается понятие риска, с точки зрения предыстории, взаимосвязи с другими понятиями, дается разбор его современных трактовок. В статье Е.В. Шлыкковой описывается генезис проблематики риска в социально-экологической парадигме, особое внимание уделяется анализу сущности концепции устойчивого развития, используется социологическая методология при анализе взаимоотношений катего-

рий риска и безопасности, обосновывается социологическая специфика такой тематики, как качество жизни и среда обитания в "обществе риска".

Данная проблематика сравнительно нова, научные публикации имеются, в основном, на английском и немецком языках. Переводятся, прежде всего, монографии социально-философского характера, к примеру, книги У. Бека, Н. Лумана. Между тем, для освоения проблемной области ученым необходимо иметь представление о том "багаже", который накопила исследовательская область. В статье М.Ю. Елимовой и А.В. Мозговой обобщаются и систематизируются публикации и неопубликованные материалы по риску и рисковому коммуникации. Авторы нашли оригинальный способ избежать стандартного реферативного обзора на определенную тему: они не дают ни прямого ни косвенного цитирования, предлагая тем самым всем интересующимся либо самостоятельно поработать с публикациями, библиография которых приводится в конце их обзора, либо при использовании текста цитировать данную статью.

В разделе "Риски чрезвычайных ситуаций" помещены две статьи. Работа М.Б. Дарховской посвящена социальным аспектам питания, одному из ведущих факторов, определяющих здоровье нации, следовательно, и качество жизни населения. Она подробно рассматривает социальные аспекты как нарушения структуры питания, так и химического и биологического загрязнения продуктов питания; привлекает материалы отечественных и зарубежных исследователей; формулирует основные направления повышения продовольственной безопасности в современной России. В статье А.К. Микеева дается социально-экономическая оценка пожаров как чрезвычайных ситуаций; всесторонне обосновывается тезис о том, что пожарная безопасность является одной из важных составляющих национальной безопасности страны.

В третьей части книги представлены результаты социологических исследований риска. Статья А.В. Мозговой "Технологический риск как компонент окружающей социальной среды: восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности" базируется на данных репрезентативных социологических опросов населения двух экспериментальных и одной контрольной поселенческих общностей. Автор выдвигает гипотезу о том, что вполне вероятно наличие некоторых специфических особенностей в массовом сознании социальных общностей, проживающих в непосредственной близости от технологически опасных предприятий, особенностей в характере восприятия такими общностями риска, реализуемых моделях образа жизни, иными словами, - некоторой "субкультуры риска", детерминирующей формирование специфической солидарности. Анализ результатов по ряду показателей подтверждает гипотезу о существовании особенностей образа жизни людей, проживающих в городах с монопроизводством, характеризующимся потенциальным технологическим риском для здоровья и среды обитания населения. В статье "Экологический риск: социальные аспекты регионального природопользования" разбираются материалы репрезентативного социологического опроса населения острова Сахалин. Исследование - совместный проект Фонда дикой природы, биофака МГУ и сектора социологии риска Института социологии РАН. Авторы исходят из следующей предпосылки. Производство большинства рисков связано с региональной географической, геологической, экономической, культурной и иной спецификой. В свою очередь, эффективность разработки любых, и в частности региональных, программ управления рисками, напрямую зависит от наличия грамотной социологической информации. Социологический опрос населения - одно из основных условий разработки обоснованных, гуманистически ориентированных решений. Е.В. Шлыкова в статье "Риск и качество жизни" анализирует влияние фактора экологического риска на такие показатели качества жизни, как удовлетворенность жизненными условиями и уровень контроля над своей жизненной ситуацией.

В четвертой части монографии Б.Н. Порфирьев рассматривает общие положения концепции управления риском, анализирует методологию и практику его правового и организационно-экономического регулирования, определяет сущность управления им, формулирует представление об абсолютной его безопасности и т.д. А.А. Быков рассматривает становление и динамику развития методологии анализа и управления риском, а затем переходит к более узкой проблематике - региональному комплексному анализу. Он обосновывает тезис о том, что в новых политических и экономических условиях, возникших в России в последние годы, центр тяжести по решению проблем обеспечения безопасности населения и окружающей среды переносится в регионы. Автор формулирует основные положения концепции регионального анализа риска, суть которой заключается в комплексном анализе природного и техногенного риска, присутствующего в регионе, с целью выявления наиболее опасных источников риска чрезвычайных ситуаций и установления приоритетов управления риском; разбирает методологические проблемы оценки ущерба и страхования риска.

Заключительный раздел сборника посвящен кризисам и кризисному управлению. В статье "Кризисные ситуации в социальной сфере: управленческий аспект (по материалам массовой прессы)" авторы реализовали интересный методологический подход: если сгруппировать публикации массовой прессы по данной тематике в один массив, то его вполне можно рассматривать как базу данных, позволяющую производить ряд аналитических процедур. Исследователи анализируют подобное информационное "поле" за определенный период времени с тем, чтобы, во-первых, выяснить, какие типы кризисов упоминаются массовой прессой, во-вторых, чтобы определить наличие и характер отражения в этом информационном поле управленческих аспектов кризисов. В ходе анализа ими была построена эмпирическая типология кризисов, описываемых массовой прессой; отобраны несколько конкретных кризисов (кэйсов), которые разбирались по определенной схеме, "фокусом" которой выступал управленческий аспект. В частности, схема предусматривала фиксирование следующих позиций: содержание кризиса; основные и второстепенные участники; субъект-источник и субъект носитель; процесс разработки, принятия, реализации решений: последовательность управленческих воздействий, направленных на разрешение кризиса (включая хронологию, где возможно); акторы, т.е. социальные институты, участвующие в решении; результирующее решение; анализ его эффективности по критерию последствий для носителя кризиса (разрешение кризиса, обострение, создание нового кризиса, компромисс, спуск на тормозах и др.). Авторы приводят описание ряда кризисов-событий как пример реализации разработанной аналитической схемы: взрывы жилых домов в Москве; ультиматум жителям Грозного; кризис на Качкарском ГОКе "Ванадий" и др.

Данный сборник можно рассматривать как монографическое исследование: есть анализ теоретических оснований проблемы, определяются ключевые понятия, анализируется соотношение различных теоретико-методологических и эмпирических подходов к исследованию риска, производится переход к понятийному аппарату эмпирического уровня, наконец, описываются результаты социологических исследований и есть выход на практику управления рисками.

В.А. МАНСУРОВ,
д. филос. н., профессор,
Президент Российского общества социологов

© 2003 г.

Кацва А.М. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. М. - СПб.: Летний сад, 2002. 200 с.

Из мировой и отечественной истории известно, что конфликты в социально-трудовых отношениях существуют с тех пор, с которых существуют сами эти отношения. Столь же хорошо известно, что данные конфликты приобретают ту или иную специфику в зависимости от особенностей исторической эпохи, которую переживает данное общество. Правда, обе эти исторические истины еще совсем недавно пытались опровергнуть господствовавшая в России идеология, навязывая общественному сознанию миф о "принципиальной бесконфликтности" якобы построенного в стране "развитого социалистического общества". Актуальность и значимость монографии А.М. Кацвы и состоит прежде всего в том, что в ней основное внимание уделено конкретному и разностороннему анализу тех особенностей, которые приобрели трудовые конфликты в России в период предпринимаемых в настоящее время общественных, в первую очередь экономических, трансформаций. С конфликтологической точки зрения, значимость исследования определяется и тем, что, стремясь дать реальное представление об истоках, характере, особенностях и динамике коллективных протестных действий трудящихся как формы их активного сопротивления в отстаивании своих потребностей и интересов со всеми теми, кто их игнорирует, ущемляет или ими пренебрегает, автор не только вносит свой вклад в углубление и конкретизацию важных аспектов современной отечественной конфликтологии, но и намечает дальнейшие пути для исследовательских усилий в данном научном направлении.

Фактологическую основу работы составляют разнообразные источники информации: это и статистические материалы Госкомстата России, содержащие данные о забастовках на рос-

сийских предприятиях, в организациях и учреждениях РФ за 1990-2000 гг., и материалы социологических обследований, в которых автор принимал непосредственное участие, включая и интервью, взятые им у профсоюзных лидеров, руководителей и активистов рабочих организаций, и справочные издания Агентства социально-трудовой информации и материалы центральной, профессиональной и региональной прессы. Использование их позволило А.М. Кацве обстоятельно показать, что процесс реформирования на протяжении 90-х гг. XX в. российской экономики, несмотря на многочисленные оптимистические прогнозы приближенных к власти экспертов - экономистов и политологов - не дал обещанных результатов. Больше того, в стране разразился системный кризис, негативно сказавшийся как на положении многих отраслей экономики и российских регионов, так и на благосостоянии основной массы трудящихся. Все это не могло не вызвать у населения разнообразных форм коллективных протестных действий. В свою очередь, показано в работе, накопление потенциала недовольства и предъявление его в качестве претензий к определенным социальным субъектам, прежде всего - властным структурам и непосредственным работодателям - вело к обострению социальной напряженности в стране, к расширению социальной базы протестного движения и радикализации коллективных действий.

В книге выделены и рассмотрены в их конкретных проявлениях и результатах основные факторы экономического характера, ведущие к эскалации социальной напряженности и конфликтности. Это прежде всего: стремительное социально-экономическое расслоение общества, его раскол на бедных и небольшую часть богатых и сверхбогатых; нарастание задержек выплаты заработной платы работникам частных и государственных предприятий и организаций; сверхэксплуатация труда; наконец, безработица, проявляющаяся зачастую не столько в открытой, сколько в скрытой форме неполной занятости, длительных принудительных отпусков и тому подобных ограничений. На основе анализа влияния этих факторов автор выявил достаточно отчетливую корреляцию между ними и интенсивностью протестного движения трудящихся.

Одной из наиболее острых форм выражения массового протеста в трудовых отношениях является забастовка. Исследование раскрывает обусловленность появления и роста забастовочного движения в современной России, нарастание в рабочей среде и в среде других категорий трудящихся уверенности в том, что привлечь внимание к своему тяжелому, а тем более бедственному положению можно только решительными мерами, в том числе и использованием силовых методов противоборства. И потому в ответ на усиливающуюся социальную несправедливость в обществе трудящиеся переходят к более активным формам защиты своих интересов и прав, включая силовое давление на органы государственного управления и работодателей все чаще совмещая при этом экономические лозунги своей борьбы с политическими требованиями. Автор выявляет и постепенное расширение забастовочного движения. Так, если поначалу это были большей частью шахтеры, то затем наряду с ними в забастовочное движение стали втягиваться металлурги, работники химической, оборонной, легкой и других отраслей промышленности, энергетики, а также непромышленных сфер - образования, здравоохранения и т.п. Отмечая нарастание степени их взаимодействия, он обосновывает такой его метод, как взаимное стимулирование. Так, согласно его выводу, удовлетворение забастовочных требований стимулирует нарастание требований в отраслях социальной инфраструктуры. Это способствует повышению уровня забастовочного движения в непроизводственной, в первую очередь образовательной сфере, которая постепенно начинает играть все более важную и даже приоритетную роль.

Вместе с тем, в книге показано значительное снижение забастовочной активности к концу 90-х гг. XX в. - началу первого десятилетия XXI в. Автор склонен объяснять такое обстоятельство рядом причин, среди которых особый упор он делает на усталость людей, их разочарование в силовых методах борьбы. С этим объяснением вряд ли можно полностью согласиться. Скорее, следует говорить о разочаровании трудящихся возможностью "пронять" своих оппонентов - властные структуры и работодателей - столь спокойной и достаточно "вялой" формой "силового" воздействия, как простое прекращение работы, на которую оппоненты, как обнаружилось, откликаются слабо и реагируют медленно и недостаточно эффективно. Автор, определяя тенденции протестного движения трудящихся, отмечает его нарастающую радикализацию, вплоть до применения таких крайних форм "силового давления", как перекрытие автомобильных, железнодорожных и авиационных магистралей и захват заложников из числа представителей властей и работодателей. И вряд ли подобную радикализацию можно отнести, как это представлено в работе, главным образом к "проискам" левой оппозиции, стремящейся, якобы, не только возглавить протестное движение, но и придать ему ярко

выраженный политический характер, имеющий целью возврат к прежним порядкам. Скорее наоборот, - все более тесное смыкание левой оппозиции и протестного движения можно считать с тем фактом, отмечаемым и в данной книге, что в противоборстве трудящихся действиям своих оппонентов не только в форме забастовок, но и в форме митингов, демонстраций, пикетов, в конечном счете, пока что, как правило, "брали верх" лучше подготовленные в правовых манипуляциях властные органы и руководство предприятий. Именно это обстоятельство все больше и должно было побуждать трудящихся не просить, а требовать, сопровождая свои требования действиями, призванными "потревожить" имущих власть и собственность.

А.М. Кацва проанализировал состояние, цели и требования других форм протестных действий трудящихся - демонстраций, митингов и пикетов, а также тенденции их постепенной радикализации и политизации. В книге обстоятельно показано, в частности, что участвуя под руководством своих профсоюзных организаций в многочисленных шествиях, многодневных маршах протеста, других активных формах выражения требований и интересов, в пикетировании (при их выдвижении и выражении), трудящиеся стремились отстаивать свои конституционные права и социально-экономические интересы, превращая тем самым такие формы в мощное дополнение к забастовочному движению, в его "второй эшелон". Но и в этом направлении, по заключению автора, также не удалось добиться достаточно серьезных, принципиальных успехов, виной чему отчасти - недостаточно активная и последовательная деятельность как основной профсоюзной силы - ФНПР, так и других профсоюзных объединений.

Значительный интерес представляет обсуждение в монографии способов и результатов участия профсоюзов в становлении в России социального партнерства как механизма обеспечения общественного согласия. Здесь автор фиксирует половинчатость, противоречивость, недостаточность позитивных сдвигов. Так, рассматривая ситуацию с созданием и функционированием Российской трехсторонней комиссии (РТК), призванной наладить сотрудничество профсоюзов, как представителей трудящихся, с государством и предпринимателями, он приходит к заключению, что в ходе ее деятельности участвующие в ней стороны зачастую больше заботились не о реальных сдвигах в области социально-трудовых отношений, а об удовлетворении своих сиюминутных интересов. Все это превращало РТК в арену политических игр и тормозило реальную работу по налаживанию конструктивного диалога. В результате, РТК так и не смогла позитивно решить такие важные для страны в нынешней кризисной ситуации проблемы, как невыплаты долгов по зарплате, сбалансировать интересы наемных работников и работодателей, содействовать улучшению условий труда и тем самым помочь стабилизации социальной ситуации в стране в целом и в отдельных ее регионах. Поэтому, заключает автор, социальное партнерство все еще с трудом пробивает себе в России дорогу и пока может восприниматься, скорее, как желательная перспектива, нежели как практически реализуемая задача. Отчасти это объясняется тем, что наиболее массовые профсоюзы еще не перестроились так, чтобы последовательно выражать и отстаивать интересы трудящихся, а их руководство и структуры продолжают быть оторванными от основной массы рядовых членов.

Наконец, важный аспект книги составил анализ того, как в той кризисной ситуации, в которую все глубже погружается российская экономика вообще и трудовая сфера в особенности, начинают меняться лозунги и требования к функционированию собственности, выдвигаются призывы о необходимости деприватизации, о переходе к коллективной собственности, о расширении участия самих трудящихся в управлении производством и т.п. Автор подчеркивает, что к началу 2000 г. уже в десятках трудовых коллективов были предприняты определенные и часто небезуспешные шаги в данном направлении, начались ожесточенные столкновения на этой почве. Правда, согласно его заключению, принципиальных позитивных сдвигов пока не произошло, поскольку им противостоит мощное противодействие частно-собственных интересов предпринимателей, как отечественных, так и зарубежных, да и нынешнее государство не склонно поддерживать претензии трудящихся на самоуправление.

Представленная А.М. Кацвой обстоятельная и разносторонняя характеристика социально-трудовых конфликтов в современной России позволяет заключить, что они в настоящее время находятся как бы в состоянии "бифуркации", противоборства взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, подчеркивает автор, для успешного разрешения вызванных нынешним системным кризисом российского общества и его экономики социально-трудовых противоречий и отражающих их противоборств настоятельно необходимо развивать культуру диалога, согласия и стабильности, ориентацию на ненасильственные методы выяснения и согласования позиций сторон. С другой стороны, развивать такого рода культуру пока не слишком склонны ни те, кто обладает властью, ни те, кто владеет собственностью. Напротив, им скорее свойственны сосредоточение на собственных интересах и устремлениях, отличных

от интересов и устремлений трудящегося населения и зачастую противостоящих им, а также силовые методы "продавливания" нужных им целей и решений, которым, как правило, придается форма законности и, следовательно, необходимости безоговорочного исполнения. Это заставляет трудящихся обращаться к противоположной культуре сотрудничества альтернативе - наращиванию своего протестного потенциала, придавая ему к тому же все более радикальные и даже экстремистские формы. Реализация такой альтернативы, предупреждает автор, угрожает тем, что последующие массовые акции протеста могут оказаться во много раз сильнее событий 90-х гг. XX в. и носить гораздо более радикальный характер. Правда, при одном непременном условии: если перенапряжение от развивающегося, благодаря действиям всех основных социальных субъектов, системного кризиса российского общества не приведет к его окончательному распаду, исчезновению как самостоятельного социального организма. По какой из названных альтернатив пойдет развитие социально-трудовых конфликтов в современном российском обществе - зависит от многих обстоятельств, и прежде всего - от выбора самих основных социальных субъектов, какая из основных стратегий поведения в социальных конфликтах - жесткая конфронтация или стремление к консенсусу - станет основным ориентиром их взаимоотношений в сфере труда.

Но не последняя роль в этом отношении принадлежит и исследователям. В частности, важной как в исследовательском, так и в практическом плане задачей выступает выяснение и обоснование того, являются ли противоречия между основными участниками социально-трудовых конфликтов антагонистическими, не разрешимыми мирными средствами по самой своей природе, или же они могут быть ослаблены, нейтрализованы и урегулированы на взаимовыгодной и взаимоприемлемой основе определенными способами и средствами. Для этого предстоит расширить "исследовательское поле" такого рода конфликтов, включив в него не только анализ протестных действий трудящихся, чему в основном и посвящена данная книга, но и столь же внимательное и разностороннее рассмотрение поведения и интересов других основных их субъектов - чиновников и предпринимателей. В этом, как представляется, и должны состоять ближайшие усилия конфликтологии социально-трудовых отношений.

Е.И. СТЕПАНОВ,
доктор философских наук,
профессор

СОЦИС

ПОДПИСКА - С ЛЮБОГО МЕСЯЦА

Вы можете получать журнал "Социологические исследования" с любого месяца. Для этого надо оформить подписку в любом отделении связи по Объединенному каталогу ФУ ПС (раздел "АПР") примерно за полтора месяца до подписного.

Подписной индекс журнала "СОЦИС" - 70934